

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“НUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXI

Buenos Aires, Martes 29 de abril de 1969

Буэнос Айрес, вторник 29 апреля 1969 года № 1001

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

370. НАРОСТАНИЕ КОНФЛИКТОВ С ПЕКИНОМ И ПРАГОЙ. — ПОХОРОНЫ АЙЗЕНХАУЭРА. — ВОСПОМИНАНИЯ МИНИСТРА ФИНАНСОВ А. Г. ЗВЕРЕВА И КОМАНДУЮЩЕГО БАЛТИЙСКИМ ФЛОТОМ АДМИРАЛА В. Ф. ТРИБУЦА. — РОМАН БЕЛКИНОЙ “НА РЕКЕ” И РАССКАЗ МАРИИ ПОНЯТОВСКОЙ “ХОД ЛАДЬЕЙ”. — НОВОЕ ИЗДАНИЕ Б.С.Э.

30-го марта Громыко вызвал китайского поверенного в делах в Москве и вручил ему длинную ноту, в которой восхваляется советское миролюбие, не упомянуты прежние обвинения Пекину в нападениях на остров Даманский 2, 14 и 15 марта и предлагается возобновить переговоры об исправлении границы при условии, что Пекин воздержится на время переговоров от всяких пограничных инцидентов.

Все советские послы во всех столицах вручили министрам иностранных дел копию этой ноты, чтоб этим прославить советское миролюбие.

В этом ясе дипломатический маневр: если Пекин откажется от переговоров, то покажет себя агрессором, а если согласится, то тем заранее откажется от крупных территориальных притязаний и должен будет лишь требовать мелких исправлений границ в различных пунктах от Тихого океана до границ Афганистана. Пекин на ноту пока не ответил.

1-го апреля был открыт девятый съезд компартии, подобранный из сторонников Мао-Тзе: верный тактике обожаемого им учителя Сталина китайский диктатор за время прошедшее с восьмого съезда ликвидировал разными путями 115 членов ЦК из 176 и 11 членов политбюро из 22. Оставлены лишь бессловесные его клеветы, частью из покаявшихся оппозиционеров, как бывший с 1938 по 1950 г. командующий армиями Чжу-Дэ. На съезде Мао-Тзе произнес приветствие, а Лин-Пяо доклад, после которого подтвердилось, что он станет преемником в случае смерти 75-летнего Мао-Тзе.

Накануне вручения примирительной ноты с предложением переговоров в СССР поступил в продажу очередной

Русский национализм, как идея воспитывающая нацию, обязан культивировать все лучшие стороны национальной жизни и национального характера. Канонизируя все светлое в исторической жизни России, русский национализм должен относиться сознательно и критически ко всем ошибкам этого прошлого. Поэтому в содержании Русского национализма должно входить не только чувство национальной гордости, но также и чувство национального сознания тех ошибок, которые российская нация совершила по отношению к своей миссии или, иначе говоря, по отношению к самой себе.

Иван СОЛОНЕВИЧ

номер еженедельного журнала “Новое время”. В нем помещена новая биография Мао-Тзе, по которой он оказался сыном кулака, в юности зверски эксплуатировавшего своих батраков, и ростовщиком, бравшим трижды те ссуды зерном, которые давал беднякам для посева. Потом в партии он якобы всегда поддерживал Чан Кай-ши, а после разрыва с ним провел режим террора в провинции Сы-чуан в отношении всех преданных партии коммунистов, за что предан партийному суду. Если верить советским писателям, то все “вожди” Октября в России были предателями, которых казнил Сталин, а в Китае революцию произвели предатели коммунизма: сначала Чан Кай-ши, а потом Мао Тзе.

На другой день после открытия съезда в Пекине вышел очередной номер еженедельника ЦК “Коммунист”, в котором съезд объявлен “лжесъездом” фашистов, троцкистов и милитаристов и предъявлены Мао Тзе следующие восемь обвинений:

1. Создание в иностранных компартиях подрывных групп, которые стараются рассорить эти компартии с КПСС и разрушить единый фронт против империалистов.
2. Стремление затянуть войну во Вьетнаме и саботаж советских военных перевозок, что играет на руку “американским агрессорам”.
3. Нападения на советские пограничные гарнизоны с целью сорвать международную встречу делегаций компартий в Москве и облегчить положение Зап. Германии и Соединенных Штатов, с которыми Пекин хочет сговориться против СССР.

4. Попытки вовлечь Японию в общеазиатский фронт против СССР.

5. Попытки поднять против СССР антисоветские движения в странах народных демократий и подстрекательство чешских антисоветчиков на восстание.

6. Маневры для создания антисоветского фронта среди афро-азиатских стран.

7. Создание антисоветских партий и группировок в западных странах под видом ультралевых организаций, обвиняющих КПСС в “ревизионизме”.

8. Попытка с помощью компартий Албании и Сев. Вьетнама созвать в Пекине конференцию компартий, враждебных КПСС, обвиняющих СССР в сговоре с Западом.

При такой обстановке СССР панически боится осложнений в Европе со своими сателлитами, ибо это ослабляет позиции СССР на Дальнем Востоке и вызывает новые трения и споры в компартиях Запада.

При сложной обстановке на Востоке СССР болезненно реагировал на последние события в Праге и других городах оккупированной Чехословакии.

Ликование всего народа Чехословакии по случаю спортивной победы своих спортсменов в Стокгольмских соревнованиях по хоккею на льду, отнявших первенство у советских спортсменов, которое они удержали четыре года подряд, вылилось в стихийное всенародное

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ ПЕРВОИЕРАРХА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОШЕГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

“Сей нареченный и святой день, един суббот Царь и Господь, Праздников праздник и торжество из торжеств”.

Так поет в каноне Св. Пасхи Святая Церковь, прославляя Воскресшего Господа — Жизнодавца, Победителя смерти и ада.

Почему светлый и радостный день Воскресения Христова, вдохновенный Духом Святым св. песнописец Иоанн Дамаскин — а за ним и вся Церковь — именуется “НАРЕЧЕННЫЙ И СВЯТЫЙ ДЕНЬ”?

Вспомним 117-й псалом св. пророка и псалмопевца, царя Давида. В этом псалме он славит Господа за Его милости и в 24-м стихе говорит те слова, которые включены в Пасхальную службу: “сей день, его же сотвори Господь — возрадуемся и возвеселимся в оны”. Озаренный Святым Духом, св. псалмопевец как бы видит уже совершившимся Воскресение Христова, созерцает светлое пасхальное торжество и пророчески предугадывает на “нареченный и святой день”. В праздновании Св. Пасхи мы видим исполнение слов псалмопевца. Торжественно и радостно празднует Св. Церковь нареченный и святой день Светлого Христова Воскресения, обращая всю службу Св. Пасхи в сплошную гимн радости и прославления Воскресшего Спасителя.

Церковь призывает нас к радости, но радость бывает различна и у людей мало-церковных нередко бывает радость такая, о которой еще в древности было сказано: “посрамилась радость сынове человеци”, ибо в этом случае радуются тому, чему следовало бы не радоваться, а плакать — плакать покаянными слезами...

“Радуйтесь о Господе; и паки реку, радуйтесь”, — писал своим духовным чадам, христианам города Филиппы, великий благовестник Евангелия, св. Апостол Павел. Сам Воскресший Спаситель, явившись мироносцам на их пути, сказал им: “радуйтесь”. И мы знаем, какую радостью исполнено церковное богослужение в ночь Светлого Христова Воскресения, когда постоянно, многократно повторяясь, поется тропарь празднику Пасхи — “Христос Воскресе из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав”. Вся пасхальная служба, по существу, является раскрытием содержания этого тропаря, и говорит о том, что Воскресение Христа Спасителя есть торжество победы света над тьмою, добра над злом и жизни над смертью...

Да даст же Господь и нам, грешникам, быть причастниками светлой, пасхальной радости. Христос Воскресе!

† Митрополит ФИЛАРЕТ

торжество: полтора-два тысяч человек собралось 28-го марта из всех окрестных городов в Прагу на площадь короля Венцеслава, где столь недавно принес себя в жертву юный патриот Ян Палах. Собравшиеся пели национальный гимн и патристические песни и под вечер разгромили помещения Пражских контор “Аэрофлота” и “Интуриста”. Полиция появилась с опозданием и с явной неохотой разогнала ликующих патриотов, произведя несколько арестов.

Манifestации в других городах носили явный характер антисоветских выступлений: появились плакаты со словами: “Иван, ступай домой к своей Наташе”. Местами брошены в темноте камни в стены занятых советскими гарнизонами казарм.

На другой день наступило мрачное спокойствие: ЦК компартии выразил сожаление по поводу “актов вандализма” и потребовал от всех партийцев и от всего народа воздержания от всяких антисоветских выступлений, которые могут “омрачить дружбу” с оккупантами. Правительство строго осудило органы печати, радио и телевизии за то, что своими сообщениями о спортивных успехах чешских хоккеистов вызвали “далеко неспортивный дух шовинизма”, чем воспользовались неназванные “провокаторы”.

Однако в Прагу уже прилетели для распавы с правительством и политбюро советский министр обороны маршал Гречко и зам. министра иностранных дел и кандидат в члены ЦК В. С. Семенов, который известен, как свирепый политический советник при советской контрольной комиссии в Вост. Германии в 1946-48 г. г. и затем посол при марионеточном правительстве в Берлине в 1948-53 г. г.

Официально Гречко якобы прилетел инспектировать советские гарнизоны, часть которых совместно с чехословацкими, восточно-германскими и польскими войсками участвует в военных ма-

неврах под руководством нач. польского генерального штаба генерала Мухи.

Однако на деле Семенов и Гречко предъявили следующие требования: ввести предварительную цензуру, закрыть все органы печати, которые возбуждают враждебный советским “освободителям” шовинизм, осудить популярного председателя парламента Смирковского, который якобы участвовал в манифестации на площади Св. Венцеслава.

При этом от Дубчека и премьера Черника требовали, чтоб полиции было приказано стрелять по толпе в случае новых патристических манифестаций, причем Гречко грубо пригрозил, что, если не будет жертв, убитых полицейскими, то выступят советские части, которые разгонят манифестантов, стреляя по толпе, что вызовет гораздо больше жертв.

В ответ на это Черник подал в отставку, но президент Свобода убедил его не покидать поста, когда “родина на краю пропасти”.

Пока выполнены следующие советские требования:

1. Правительство и ЦК партии потребовали от народа большей сдержанности, чтоб не погубить родину, не лишиться ее правительства, которое ведет страну по одобренному народом пути.

2. Смирковский и другие не названные лидеры получили официальное предупреждение от ЦК, что должны своим поведением не позволять использовать их имена в связи с манифестациями, которые могут “омрачить традиционную дружбу с КПСС” и поставить под сомнение верность Варшавскому пакту.

3. Временно за “важные политические ошибки” приостановлено издание идеологического еженедельника ЦК партии “Политика”.

4. Органы: союза писателей “Листы”, союза журналистов “Репортер” и журнал “Житрек” предупреждены, что будут закрыты при малейшем недоволь-

ПАМЯТИ ИВАНА СОЛОНЕВИЧА

стве ими ЦК КПСС, советского правительства или оккупационных властей.

5. Опять будет произведена чистка среди работников радио и телевизии. Трудно сказать: удовлетворяются ли этим претензии Москвы: маршал Гречко, Семенов, сов. посол в Праге член ЦК С. В. Червоненко, новый командующий оккупационными войсками генерал-полковник Майоров вели переговоры с президентом Свободой, ген. секретарем ЦК Дубчеком, премьером Черником и министром обороны генералом Джуром об устранении и подавлении всех анти-советских элементов и применении к ним репрессий.

Но любые репрессии лишь усилят ненависть к СССР в народе и в войске. Верно пишет пекинская печать: "в Пекин советским танкам будет не так просто вступить, как они вступили в Прагу".

Один из моих друзей прислал мне разысканную им у букиниста мою книгу "Внешняя торговая политика СССР в международных договорах". Эту объективную научную работу не захотело печатать ни одно советское издательство, кроме "либерального" издательства Народного Комиссариата Финансов (нарком был расстрелянный в 1936 г. Г. Я. Сокольников-Бриллиант). Набранную книгу не хотел пропустить ленинградский Облит, но на пропуске ее настоял один из цензоров, который был директором одного Института, в котором я преподавал торговые договоры СССР. Я указал ему, что это пособие для моих студентов и он взял на себя ее пропустить, хотя перед этим другой цензор ее отклонил. Впоследствии мне инкриминировали то, что вступительную статью к этой книге написал академик Е. В. Тарле, арестованный за неделю до моего ареста по "делу академика С. Ф. Платонова".

Я упомянул об этой книге здесь, ибо даю в ней разбор всех советских договоров, заключенных до 1926 года. В ней дан анализ Пекинского "соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой", подписанного 31-го мая 1924 года, когда во главе ЦИК, то есть главой государства был М. И. Калинин, ген. секретарем партии был Сталин, а главой правительства А. И. Рыков, действующие по принципам ленинской политики, построенной в духе Коминтерна на отказе России от всяких плодотворных для России "царских" между-народных договоров. Поэтому в статье 3-ей договора аннулируются все договоры и соглашения Китая с дореволюционными правительствами России с заменой их новыми, основанными на декларациях 1919 и 1920 г. г. Напомню, что по ним Ленин отказывался в пользу иностранных государств от всяких для России выгод. В 4-ой статье СССР аннулирует все договоры с третьими державами, затрагивающие интересы Китая. 5-ая статья признает Внешнюю Монголию составной частью Китая. Договор подписали расстрелянный 16-го декабря 1936 года посол в Пекине Л. М. Карахан и китайский министр иностранных дел Веллингтон Ку (имя министра объясняется тем, что он был христиан-англиканец). Поэтому не ленински звучат ссылки на Нерчинский договор (1689 г.), Айгунский (1858 г.) и Пекинский (1860 г.), которыми закрепляются права России на Дальний Восток. Границы СССР и Китая не указаны в договоре 1924 года; но ясно, что СССР нарушил договор, обратив Монголию в своего сателлита и аннексировав Урянхайский край, ставший Танну-Тувинской автономной республикой.

Поэтому понятно, что Мао Тзе теперь обвиняет Брежневскую клику в измене заветам Ленина и Сталина и ссылках на договоры Петра Первого и Александра Второго для утверждения своих позиций на Дальнем Востоке. Важнее было бы сослаться на заселение Дальнего Востока русскими переселенцами, на историю Амурского и Уссурийского казачества, на новые русские города с почти исключительно русским населением. Весь Дальний Восток является чисто русским краем и отдать его Китаю значило бы то же, что отдать чисто русскую западную Сибирь потомкам царя Кучума.

Интересы России требуют отставания наших границ на Дальнем Востоке, а не противной нашим интересам военной оккупации Чехословакии, о чем говорит Обращение Государя Великого Князя Владимира Кирилловича, протест от имени РНМД и манифестации на

24-го апреля с. г. исполнилась шестнадцатая годовщина со дня безвременной кончины основоположника народно-монархической идеологии Ивана Лукьяновича Солоневича. Несмотря на громкую известность его писаний, на большой успех его политических и литературных произведений, следует признать, что современники недостаточно оценивали его значение в истории русской политической мысли. Прошедшие с того дня 16 лет позволяют нам лучше о том судить.

Крушение всех вооруженных попыток справиться с растлевающим душу нашего народа большевизмом вызвано отсутствием положительного идеала, ясной политической программы. "Большевизм плох, это мы сами знаем, — словно спрашивал нас русский, — но что вы способны дать нам после его свержения?".

На это не мог дать ответа ни один политический вождь эмиграции, ни один из вождей Белого Движения.

Но вот бежал через болота и дремучие леса Карелии Иван Солоневич, так основательно изучивший на собственном опыте, на своих наблюдениях и личных переживаниях первые полтора десятилетия советской неволи. Он не только дал нам первое описание концлагерей, через которые прошел, не только дал картину столичной советской жизни, но изложил убедительным и всем доступным языком идею **народной монархии**, которая отвечает чаяниям как лучшей части эмиграции, так и большинства наших поработанных соотечественников.

До бегства Ивана Солоневича из СССР как и в последовавшие десятилетия среди удрученных неудачами антисоветской вооруженной борьбы мыслящих и болеющих за Россию эмигрантов возникали новые политические доктрины, новые идеи, имевшие лишь временный успех, которые быстро потухали, как догоревшая свеча. Кто сейчас помнит всяких евразийцев или младороссов? Но идеология народной монархии, развитая Иваном Лукьяновичем в различных его трудах, пережила не только всеразрушающий смерч Второй Мировой войны, не только бегство эмиграции из теперь поработанных славянских стран, но и кончину своего основоположника, вынужденного уйти в новое изгнание и передать основанную им газету в надежные руки талантливого журналиста и его верного последователя.

Погасли свечи других ученых, но факел Народной Монархии разгорелся ярким светом, постепенно проникающим за Железный Занавес.

Наша идеология пережила своего основателя, наша газета пережила своих первых двух редакторов и наше движение своих первых двух руководителей. Русская женщина ведет орган народно-монархической идеологии и представляет читателям, рассеянным по всем континентам **тысячный номер** основанной Иваном Лукьяновичем газеты. В наших рядах с маститыми участниками первых лет Белой борьбы видим юношей, родившихся и выросших за рубежом; с ними донесем наш факел до стен древнего Кремля и да озарит он заветный день коронации Главы Императорского Дома на Всероссийский Престол. В этот знаменательный день, как и сегодня, перекрестимся, молясь об упокоении рабов Божиих Ивана и Всеволода, отдавших все свои дарования, весь свой многолетний тяжкий труд, самую жизнь служению Вере, Царю и Отечеству.

Генеральный Секретарь РНМД Алексей РОСТОВ

Красной площади, приведшим к концлагерям и ссылкам немногочисленных смельчаков, осужденных несправедливым советским судом.

Насколько низко пал авторитет СССР, показывает недавний факт: Румыния согласилась послать свои войска для маневров на болгарской территории совместно с советскими и болгарскими дивизиями, но, несмотря на угрозы бывшего, как помнят читатели, в Бухарест маршала И. И. Якубовского, отказалась допустить маневры иностранных войск на своей территории, что подтвердила 3-го апреля, несмотря на протест советского посла члена ЦК А. В. Басова.

Во избежание повода к обвинению Пекином в сговоре с США СССР допустил грубую выходку против покойного президента Айзенхауэра и его ученика и любимца президента Никсона. На похороны президента, который командовал союзными силами в прошлую мировую войну и которому СССР в значительной степени обязан победой, съехались благодарные главы государств, им освобожденных от германской оккупации: король Болдуин Бельгийский, президент де Голль, шах Ирана, король Константи, вьетнамец Чао-Ки и много других. Однако от СССР не прилетели ни глава государства, ни премьер, ни даже министр обороны, ни министр иностранных дел, ни хотя бы "друг" покойного Айзенхауэра в дни победы и Потсдамского братания дряхлый маршал Г. К. Жуков, а две второстепенные и отталкивающие фигуры: первый зам. министра иностранных дел В. В. Кузнецов, заслуживший за последние месяцы печальную репутацию советского наместника оккупированной Чехословакии и "герой Сталинграда" и постоянно ссорившийся в 1949-1953 г. г. с американцами в Берлине маршал В. И. Чуйков. Конечно, их игнорировали американские власти и Никсон оказал больше почестей не только генералу де Голлю, но и вьетнамскому генералу-антикоммунисту Чао-Ки, который требует освобождения от коммунистического ига Северный Вьетнам. Эта антиамериканская демонстрация усилила антисоветские силы в США, но не мешает Мао Тзе-тунгу попрежнему обвинять Брежнева и Косыгина в холопстве перед могущественными Соединенными Штатами и угнетении маленького народа Чехословакии.

В февральском номере журнала "Вопросы истории" наряду с серьезными статьями о создании империи Чингизхана и походах его преемников на ослабленную удельно-вещевой системой Русь и о вновь открытых миру археологическими раскопками процветавших царствах Центральной Африки находим исторические мемуары, имеющие злободневно политический характер и стремящиеся возродить культ Сталина.

Арсений Григорьевич Зверев, снятый Хрущевым "по состоянию здоровья" 17 мая 1960 года с поста министра финансов СССР, который занимал бесценно 22 года, вспоминает, как в начале ежовщины в 1937 году, его, председателя райисполкома одного из столичных районов, впервые вызвал к себе Сталин, прозакламеновал и назначил зам. наркома финансов СССР. Вся его статья стремится доказать, что Сталин был гениальным финансистом и утверждает будто в годы войны Сталин требовал от Зверева точно обосновать необходимость увеличить выпуск денежных знаков, чтоб не вызвать падения рубля и лишнего вздорожания жизни для страдающего от военных тягот населения. Непечатанная пока первая часть мемуаров рисует восторженными красками сталинское руководство финансами в годы Второй Мировой войны.

В том же номере читаем "Операции Краснознаменного Балтийского флота в 1941 году" командовавшего им тогда адмирала В. Ф. Трибуца. Трибуц подчеркивает, что в 1941 году флот был в полной боевой готовности и ежедневно ожидал германского нападения. Этим вполне опровергается официальная версия, что неслыханные поражения советской армии в начале войны вызваны гитлеровским коварным и совершенно неожиданным нападением на рассвете 22-го июня 1941 года, заставшим советские войска врасплох. Причиной поражений является нежелание русского народа защищать постылый режим и умирать "за кости Ленина и за шкуру Сталина".

Описание операций на Балтийском море изложено в духе обычного среди советских полководцев самовосхваления: уже тогда они якобы, воодушевленные своими политкомиссарами, били немцев во всех столкновениях, но все-таки к осени оказались запертыми на Кронштадтском рейде.

В февральском номере журнала "Новый мир" помещена интересная повесть Марии Белкиной "На реке", передающая впечатления писательницы от по-

ездок на пароходе по Енисею с посещением его портов и бесед с населением, состоящим большей частью из ссыльных и бывших заключенных. Наиболее интересен рассказ об откровениях старика Замай, отбывшего 10 лет концлагеря по довольно необычной причине. В годы войны он партизанил против немцев и, застигнутый немецким карательным отрядом, наблюдал из укрытия, как местная красавица Маша выдала немцам партизанского командира Арсения, стрелявшего в германского офицера, а потом скрывшегося в сарае этой женщины. Немцы повесили Арсения на площади деревни Березовки, из которой Замаю удалось ночью бежать.

После войны партизан встречает эту Машу в большом совхозе, где она благополучно сожительствоует с начальником местной милиции. За городом Маша сама окликает Замай и предупреждает его, что ему не поверят, если он на нее донесет, ибо у ней все документы в порядке и не поверят, если он расскажет, что произошло в Березовке. Замай отвечает, что она сейчас сама себя выдала, упомянув Березовку. Она отвечает, что она назвала Березовку при встрече наедине в лесу, а на допросе скажет, что и названия такого села не слыхала. На вопрос, как могла она выдать на казнь партизана, Маша отвечает "я мстила за то, что в моего немца стрелял. Немец тот меня действительно любил и ноги мне целовал, а вы лишь пинали, да по грубому обзывали". Взбешенный этими словами Замай душил Машу насмерть и докладывает об этом в милиции. Возмущенный убийством любимой им Маши начальник милиции дает следствию неожиданное направление: убийство Маши при отсутствии свидетелей дает основание полагать, что награжденный впоследствии орденами за партизанские подвиги Замай мог сам выдать немцам своего партизанского командира Арсения, за что был немцами выпущен живьем из Березовки и смог присоединиться к своему отряду. Теперь же он задушил жившую в Березовке в период оккупации Машу, боясь, что его разоблачит, для чего и заманил ее в лес. Дело суду представляется неясным, как и взаимоотношения Замай, Арсения и Маши в дни войны. Поэтому суд лишил Замай всех боевых наград и приговорил к пяти годам концлагеря. Самой советской писательнице рассказ отбывшего заключение и оставшегося работать, доживая свой век, на Енисее Замай кажется вполне искренним и она убеждает нас верить тому, что Маша выдала Арсения, стрелявшего в любимого ею немца, который при отступлении увез ее в Германию, где она сама явилась с подделанными документами об ее насильственном увозе немцами и сумела себя реабилитировать.

В мартовском номере догматического журнала "Октябрь", который в отличие от "Нового мира" быстро проходит цензуру, сильное впечатление произвел на меня короткий рассказ Марии Понятовской "Ход ладью", который на семи страницах передает изложенную в первом лице драму 16-летней советской девушки из последнего класса средней школы. Она живет на пятом этаже московского дома с матерью — тоже девушкой. С ними жила бабушка, которая росла внучку, а мать, накрашенная, часто пропадала по целым ночам, округляя свой небольшой заработок швей. Героиня Александра — хорошая спортсменка: плавает "баттерфляем", получила первый приз на пионерском пятиборье, прекрасно учится по математике и хорошей шахматистка, но не дружит со сверстницами-однокурсницами первых этажей: Наташей, Аллочкой, Галочкой и Любашей: бьет их по лицу, когда девочки, повторяя слова родителей, обзывают ее мать грубым словом, означающим ее недозволенный род занятий во внеурочные часы. Они презирают Александру, ибо у нее никогда не было отца и сама мать не знает, от кого из своих случайных поклонников она забеременела. Старуха-бабушка ворчит и пугает беспутную дочь, что может забеременеть еще раз.

В первом этаже живет хорошо зарабатывающий врач, отец тезки горемычной Александры; в докторского красивого и целомудренного 18-летнего юношу, блестяще учащегося студента-первокурсника, влюблены все панькинские дочки, благовоспитанные и элегантные, "которым таскают сливки и фруктовые соки в бутылочках на дом", пока Александра с пятого этажа бежит занимать

ПАСХАЛЬНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ

Всечестному духовенству и христолюбивым людям

В сию спасительную и всепразднственную ночь, в которую торжествуют "небо, и земля, и преисподняя", а православно верующие сердца сливаются в единый могучий пасхальный гимн Воскресшему из мертвых Христу Жизнодавцу, я обращаюсь к вам, возлюбленные Братие и Чада, с древнеапостольским приветствием, радостно восклицая: ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Гордая злоба людская думала в своем безумии и ослеплении крестом и запечатанным гробом уничтожить Помазанника, стереть с лица земли вечную Любовь и Правду. Но Господь силою Своего Божества сораспал с Собою все человеческие неправды и грехи на Кресте Голгофском, "убив вражду на нем", а живоносную смертью Своею и тридневным Своим погребением в саду Армафейском навеки поразил смерть, разрушивши веревы ада, к которым, яко смертный прираза.

Когда враги распяли Сына Божия, по всей земле настала тьма среди белого дня и жителей Иерусалима объял страх и трепет. Но когда Христос воскрес из мертвых, тьма рассеялась и наступил светоносный день, а страх и печаль сменились великою радостью для верующих во Христа.

В наше время многие христиане отпали от Бога, отвергли святые заповеди Его и перестали молиться Ему. Своими тяжкими грехами, безверием и безнравственной жизнью они наносят глубокие раны Христу на Теле Его — Св. Церкви.

Как некогда во время распятия Христа на Голгофе люди переживали страх и ужас, так и в наши дни человечество переживает страх и ужас вследствие происходящих войн, военных приготовлений и военных слухов. Св. Земля, освященная Божественными Стопами Христа Спасителя и орошенная Его Пречистой Кровью, пылает в огне военных столкновений и будущее христианских святых там покрыто мраком неизвестности, что сильно тревожит верующих чад Церкви Христовой. Современное человечество во всем мире находится под угрозой разрушения и смерти.

Вот в эти тревожные дни мы должны укрепить свою веру во Христа "нас ради человек и нашего ради спасения распятого на кресте, страдавшего, погребенного и воскресшего в третий день". Усугубим наши молитвы к Нему, памятуя слова Псалмопевца: "Призови Мя в день скорби твоей, и изму тя и прославиши Мя" (Пс. 49, 15). Примем наставление Св. Апостола, призывающего каждого, все человечество, глаголюще: "Ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога. О горнем помышляйте, а не о земном".

"Умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостыжанье, которое есть идолослужение". "Отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших. Не говорите лжи друг другу".

"Облекитесь в милосердие, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг к другу и прощая взаимно; как Христос простил вас, так и вы прощайте. Да владычествует в сердцах ваших мир Божий и будьте дружелюбны".

"Слово Христово да вселяется в вас обильно со всякою премудростью. Научайтесь и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, воспевая в сердцах ваших Господу". "И все, что вы делаете, словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца".

"Жены, повинуйтесь мужьям своим, как причленно в Господе". "Мужья, любите своих жен и не будьте с ними суровы".

"Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это угодно Господу".

"Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали". "И все, что вы делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человека, зная, что в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Господу Христу. А кто поступит неправо, тот получит по своей неправде; у Него нет лицемерия". "Будьте постоянны в молитве" (Колос. 3, 1-25; 4, 2-3).

Воскресший Христос, видя наше богоугодное житие, пламенную молитву и глубокою веру, пошлет на нашу страждущую родину, обильно политую кровью мир и благоденствие; рассеет мрак безбожия, претворит нашу скорбь в радость и душевный покой. В твердой надежде на милосердие Божие, радостно воскликнем: ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

Пасха Христова 1969 г. Буэнос Айрес.

† Архиепископ АФНАСИЙ

очередь за продуктами или пешком несутся в школу, куда других девочек отцы отвозят на автомобилях.

Когда бабушку поразила сердечная припадок, то Александра бросилась вниз по лестнице к врачу из первого этажа. Ей сказали, что его нет дома, хотя она отлично видела в щелку приоткрытой двери из передней в гостиную, как доктор с семьей смотрел телевизор. В ту же ночь, еще до прибытия автомашинны "Скорой Помощи" бабушка умерла, чего внучка никогда не могла простить старухе-матери доктора, не позвавшей сына помочь умиравшей бабушке Александры, которую, возможно, он смог бы спасти.

Летом на площадке во дворе дома студент Александр, которого его поклонницы из первых этажей романтически зовут "Алеко", играет в шахматы со старым полковником-пенсционером. Проходя мимо, страстная шахматистка Александра невольно приостановилась, увидела, что юноша проигрывает и подсказала ему сделать ход ладьей (отсюда название рассказа) и он в три хода обыграл полковника.

Пораженный юноша приглашает Александра сыграть с ним и она легко его обыгрывает. Шахматы кладут начало их дружбе. Вечером он приглашает ее гулять, едут на автобусе подальше, чтоб этого никто из дома не заметил. Беседуют о литературе и девушка спешит потом быстро прочесть те романы, что ему нравятся. Они посещают далекие кино при фабриках на окраинах, где их никто из дома не встретит. Через неделю таких прогулок он, покупающий тесные букеты, угощающий мороженым и шоколадом, волнуясь и краснея, берет ее под руку ("как в романах") и приглашает на следующий вечер под воскрененье, когда не придется рано вставать, погулять в прекрасном парке. Она заранее надушилась духами матери и

решила, что, если целомудренный юноша будет робеть, то она первая его поцелует. Они идут по темной аллее и вдруг, увидев на скамейке обнимающуюся парочку, юноша вздрагивает и увлекает девушку назад. Но она вырывается и подкрадывается к скамейке, чтоб увидеть, что поразило ее кавалера: к своему ужасу она видит, как врач — отец Александра обнимает полураздетую ее собственную мать. Она бежит к студенту, которого застает рыдающим на перекрестке аллей и пытается как-то утешить, но слышит сквозь рыдания произносимые им слова: "бедная моя мама: как может папа ей изменять с такой...". У него вырывается то поганое слово, которым соседи обзывают за глаза ее мать. Бедная девушка изо всей силы ударяет его кулаком по лицу и, пока студент утирает текущую из разбитого носа кровь, она удирает домой и горько рыдает из-за так быстро и трагично закончившейся ее первой любви.

Я придаю большое значение рассказу, в котором показано, как дети советской элиты пресловутого "бесклассового общества" презирают несчастных своих школьных друзей, если они незаконнорожденные, как умная и талантливая, глубоко чувствующая девушка не может перенести оскорбления своей беспутной матери из уст любимого ею целомудренного и благовоспитанного юноши, который при виде любовной авантюры собственного отца не мог удержаться от бранной клички, которой безжалостно оскорбил неповинную любимую девушку. Эти семь страничек дают яркую картину взаимоотношений "столичного общества".

В том же номере "Октября" критик сталтинского пошиба А. Гребенщиков в заметке "Пока не поздно" сообщает, что в период выпуска третьего издания "Большой Советской Энциклопедии" в

УРОК ИСТОРИИ В ДОМЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

В мае прошлого года все белые русские, разбросанные по свету, отметили столетие со дня рождения Императора Николая II, последнего Русского Царя, убитого в Екатеринбурге вместе с Императрицей и Их детьми в ночь на 17-е июля 1918 года. По всей вероятности эту дату не забыли также многие теперь подсоветские люди, храня, однако, свои воспоминания в самых потаенных уголках памяти, в недоступных недрах собственного бытия, куда не проникнет политическая полиция их нынешнего режима.

Для некоторых из русских, случившееся в Екатеринбурге, кроме варварского исторического факта, принимает облик семейной трагедии, воскрешающей в их сознании и, горсть по Родине, и горсть по утраченным родным. Я смог ошутить обе стороны этой драмы там, где они сошлись в своей вершине, когда Глава Российского Императорского Дома Великий Князь Владимир Кириллович, Великая Княгиня и Их Дочь собрались нас в своей мадридской резиденции, чтоб показать нам необыкновенный документальный фильм об Императоре и Его Семье усердно восстановленный, после упорных поисков в официальных кинематеках и в частных архивах, трудами группы русских патриотов, почитателей Священной Памяти Императора Николая II. Если не ошибаюсь, то первым в мире длинным документальным фильмом является тот, который был снят по случаю свадьбы Императора Николая II с Принцессой Алисой Гессенской в ноябре 1894 года и на празднествах коронации в мае 1896 года.

Некоторые из выдающихся личностей прошлого до сих пор еще сравнительно

30 томах редакция разослала по редакциям для отзыва список статей с указанием числа отведенных на каждую печатных знаков и буквой "П", если статья будет снабжена портретом писателя. Автор возмущен, что лояльным коммунистам Фурманову, Гайдари, поэту Исаковскому — автору всемирно известной "Катюши", отведено 1.200 печатных знаков, а расстрелянному в ежовщину Исааку Бабелю — 1.800. Автору исторических романов Сергееву-Ценскому всего 1.200 печатных знаков, а "сомнительному" Михаилу Булгакову, часто "блуждавшему во тьме антисоветчины" — 1.800.

Коммунист-прозак, публицист, драматург, киноавтор Петр Павленко получает статью такого же размера, как Солженицын, "снискавший себе незавидную славу автора произведений, направленных против основных и дорогих нам принципов советской литературы", возмущается Гребенщиков.

Молодой писатель Анатолий Гладилин, "упоено тащивший на страницах нетребовательных журналов словобудные инфантильных мальчишек, ни во что не верящих, пижонов и разгильдяев" получает столько же печатных знаков, как и известный писатель исторических романов Алексей Чапыгин, автор "Степана Разина". Гребенщиков негодует, что "демонстративно камерный голосок" Беллы Ахмадулиной получил больше печатных знаков, чем "сильные и яркие" голоса воспевателей, коммунизма Бориса Ручьева, Александра Решетова и сатирика-поэта Сергея Смирнова. Наконец он возмущен, что обещан портрет расстрелянного Бориса Пильняка, но не будет портретов Гайдара, Панферова и чекистского поэта Александра Прокофьева.

Уже заканчивал эту статью, когда узнал, что румынский дипломат Николай Экобеско на конференции по разоружению в Женеве неожиданно выступил с совершенно не относящимся к повестке дня заявлением: Румыния требует провозглашения священного права каждого государства по своему усмотрению определять политическое, социальное и культурное будущее своего народа без всякого иностранного вмешательства. Объединенные Нации должны потребовать прекращения всякой навязанной свободному народу иностранной военной оккупации.

Экобеску никого не назвал, но всем было понятно, что Румыния заранее требует вмешательства, если ее достигнет трагическая судьба Чехословакии.

Александр Ростов

близки к нам во времени, но они уже далеки для современной молодежи, подвергнутой стремительному ускорению теперешнего образа жизни и хода истории. Тем не менее все же много среди нас тех, кто мог смотреть своими детскими глазами на фотографии Императорской Семьи в журналах той эпохи. И внезапно увидеть Их вновь оживленными на экране, волнуется нас как будто перед нами совершилось сверхестественное воскрешение. Празднества, военные парады, придворный блеск; затем война с ее героизмом и горем. Они там присутствуют, Государь и Императрица, Великие Княжны и, Наследник Цесаревич. Они вновь оживают перед нами: ходят, садятся, улыбаются, приветствуют, разговаривают. Только голоса у них не хватает, чтобы Их правдоподобный облик заставил нас забыть, что Они уже не существуют, что в этом мире остался только прах и пепел Их истерзанных тел.

Много было написано о Русской Царской Семье, но, вероятно пристрастие превосходило объективность. Император Николай II был человеком привлекательным, приятным в обращении, любящим свою семью и свой домашний очаг, но в то же время он создал свое высокое положение и те обязанности, которые его сан на него накладывал. Втянутый в революционную лавину, самую кровавую нашего времени, он погиб в ней. Странное чувство охватывает зрителя, созерцающего сцены надвигающейся народной трагедии и уже знающего ее развязку; когда уже точно известен день, в котором будет разбита счастливая жизнь участников; точно известно в котором часу и как Они погибнут. Хочется им крикнуть "Берегитесь!", но уже слишком поздно. Получается нечто вроде Божественного Предвидения будущего, когда оно сохранено в подвижном воспроизведении прошлого. Там изображен Государь, окруженный жизненными обстоятельствами своей эпохи. Но никто не может быть осужден вне отведенного ему времени и места. Сегодня, наверное, и без революции были бы в пространстве русские космонавты. Эта огромная страна, этот многомиллионный народ, умный и трудолюбивый, уже находились в феврале 1917 года на пути развития своей научной и производственной мощи.

К чему столько ужаса? В прошлом году я видел в Париже документальный фильм Росифа о революции в России, составленный из правдивых снимков многочисленных фильмотек, а также уступленных информационным учреждением Советского Союза. Наряду с другими эпизодами, этот фильм показал нам, между прочим, семьи погибших, вынужденные охранять свежие могилы своих близких от голодающих, занимающихся выкапыванием мертвецов. Даже при желании смягчить события, зарождение советского мира всегда будет носить этот отпечаток ужаса и жестокости. Как бы ни была приспособлена кинокартина, она всегда сохраняет долю правды, необходимую для более полного ее познания. И в интимности дружеского приема Их Императорские Высочества Великий Князь и Великая Княгиня открыли нам окно в историю своей Родины, что оставило в нас чувство более глубокое, чем переживания прошлого воспоминания.

(Перевод с испанского статьи Луиса Г. де Линарес, главного редактора журнала "Семана".)

ПОЧТОГРАММА

Редактору - Издателью газеты "Наша Страна" Татьяне Владимировне госпоже Дубровской.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Глубокоуважаемая

Татьяна Владимировна!

Примите сердечные поздравления членов Корпуса ИМПЕРАТОРСКИХ Армии и Флота и мои с Светлым Праздником Христова Воскресения и пожелания здоровья, полного благополучия и сил на служение нашей многострадальной Родине и Наследнику Престола Императоров Российских.

Заведующий Делами Корпуса Императорских Армии и Флота Подполковник Жовтоног ПАСХА 1969 г. Париж.

НИКОЛАЙ КРЕМНЕВ

Тернистый долг

В затянувшиеся годы нашего безвременья, когда всё более стали рядеть ряды русских эмигрантов, а большинство русских беженцев окончательно превратилось в своего рода пищеварительную кишку, потеряв остатки какой-либо идеологии, выходит ТЫСЯЧНЫЙ номер «Нашей Страны», что является событием совершенно исключительным, показателем идеологического горения как сотрудников, так и читателей. Если первые совершенно бескорыстно отдают газете свое творчество и время, нередко даже в ущерб своей службе или работе по добыванию хлеба насущного, то постоянные читатели не только поддерживают газету своими абонементами, но и пожертвованиями в издательский фонд.

Журналисту национальных так называемых «правых» изданий работать приходится в атмосфере непонимания и равнодушия. Если в странах Великих Демократий, в Советском Союзе и в еврейско-демократическом секторе российской эмиграции усвоено вседоминирующее значение печати, т. е. пропаганды, то у «правых» кругов как русских, так и иностранных, это совсем не учтено. Уже много лет тому назад покойный Иван Лукьянович приводил следующий анекдот:

Кто-то спросил Ивана Ивановича: — Скажите, умеете ли вы шить сапоги?

— Нет, не умею, — не задумываясь ответил Иван Иванович.

— А в газете пишете?

— Не-е-т... не пробовал, — подумав ответил Иван Иванович.

Как правило у нас, у «правых», сотрудничество в печати называется «пописывать статейки», — за нашими журналистами не признается ни умения ни таланта. Каждый из нас — пишущей братии — имеет свой круг знакомых и приятелей, преимущественно именующих себя убежденными монархистами. Так вот при встречах с ними рекомендуется не начинать разговор о своей журналистической деятельности, потому что это неприятно их мелким и завистливым душонкам. Надо помнить, что в доме повешенного нельзя говорить о веревке! В лучшем случае можно встретить упорное молчание. Но иногда приходится выслушивать и такого рода «дружеские слова»:

— Зачем ты пишешь в этих газетках (иногда говорят — газетенках)? — сказал мне мой приятель убежденный монархист. — Ведь их никто не читает! Бывали иногда и всего лишь намеки, но зато куда более крутые.

Это было еще при жизни Ивана Лукьяновича, когда при его одобрении и поощрении я сотрудничал в «Нашей Стране». Пришел как-то ко мне домой мой приятель монархист и легитимист и в разговоре заявил мне:

— Мы все, вся наша семья, всегда с большим интересом читаем статьи Солоневича, но других сотрудников не читаем — ты понимаешь.

Чтобы я лучше понял, что моих статей они не читают, мой приятель еще раз повторил эту свою «дружескую» фразу. А вот еще одна встреча и соответствующий «разговорчик»:

Сорок три года состою я в одном Объединении (монархическом) и лишь в прошлом году один из членов его случайно узнал о моей журналистической деятельности, т. к. она всеми всегда тщательно скрывалась. Он меня спросил:

— А хорошо платят?

— Я сотрудничаю безвозмездно, — ответил я.

— Так зачем же ты пишешь?

— Хорошо, — сказал я, — а когда ты был офицером Императорской Гвардии защищал свою родину на фронте, то ты это делал ЗА ПЛАТУ?

Он был поражен, но сказал:

— Я слышал, что «Русская Мысль» и «Новое Русское Слово» не плохо оплачивают своих сотрудников.

— Да, это так, — сказал я. — Но надо быть очень не брезгливым, чтобы принимать участие в этих печатных органах русско-еврейской интеллигенции.

Он посмотрел на меня, как на некоего дон Кихота двадцатого столетия, а я прибавил:

— Хотя ведь деньги-то не пахнут, неправда ли?

И эти непахнущие деньги широким потоком поступают в кассы этих демократических газет в виде подписки и объявлений (похоронных) и именно от тех, ныне монархистов, кто в свое время пострадал от Февраля, содеянного этой самой русско-еврейской интеллигенцией, при растяпости тех самых «правых», растяпости которых, с прибавкой беспринципной шкурности, как мы только что видели выше, продолжается и по сей день. Незабвенный Иван Лукьянович назвал их метко и едко «пузырями потонувшего мира».

Тернистый путь русского национального журналиста в эмиграции, как он был и в Императорской России, когда пресса была в руках русско-еврейской интеллигенции. Как ни позорно это для нас, русских, но об этом следует не только говорить, но даже кричать! Национальный журналист — это некий странный человек, не от мира сего, исповедующий свою принадлежность к нищенско-

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

„ОСЕННИЕ ЛИСТЫ“

Если для всех людей сахар сладок, если для всех ландыши пахнут ландышами, а навоз навозом, если для всех больно есть больно, а сладострастно есть сладострастно, то не предположить ли, что и все иные чувства людей если не вполне одинаковы, то сходны?

Чувство нежности, жалости, жадности, любви, горя, тоски, грусти, скуки, раскаяния, страха, гордости, возмездия — все эти чувства для всех людей «на вкус» одинаковы.

Если бы было по-другому, искусство не могло бы существовать.

Любую черту своего героя, если даже это отъявленный подлец и негодяй, писатель прикидывает на себе.

**

му Ордену глашатаев русской исторической государственности, не только не понятный, но даже и травмирующий, застывает гробовым молчанием, прогрессистами всех мастей, а то и просто мелкими последователями Смердякова...

Наши верные читатели невольно могут задать себе вопрос: а стоит ли в таком случае вам, сотрудникам «Нашей Страны», писать? На это имеется точный и уверенный ответ: не только стоит писать, но и должно! Во имя исполнения нашего горячего национального гордости и любви к отечеству мы должны продолжать нашу борьбу за Россию достоянием нам страшным оружием — СЛОВОМ, живым и правдивым, которого так панически боятся все наши враги, твердо усвоившие факт могущества Печати, а ныне и радиовещания и телевидения.

Но не одни тернии непонимания, равнодушия и неприязни встречаем мы, сотрудники, на нашем пути, — бывают и отрадные переживания. В первую очередь они заключаются в невидимом, но явно ощущаемом бодрящем единомыслии с нашими верными читателями, получаемыми от них письмами поощрения, а иногда и действительно дружескими и искренними встречами. Пришлось мне как-то лично познакомиться с одним постоянным подписчиком «Нашей Страны», который знал по наслышке о моем сотрудничестве. Он мне сказал при встрече:

— Читаю «Нашу Страну» с самого первого номера. И Ваши статьи читаю, а Вас почитаю!..

Не забудет нас, нищую братию сотрудников и читателей «Нашей Страны», выпустившей свой тысячный номер, и освобожденная Россия...

НИКОЛАЙ КРЕМНЕВ

Народ — не механическое соединение миллионов человек. Такое скопление людей было бы неспособно ни к какому историческому действию.

Народ — это то, что он создал за свою многовековую историю и что, в свою очередь, создало, сциентировало его сложной системой исторических и нравственных идеалов.

**

Когда нам не хочется умирать, это значит, что нам не хочется лишиться того, что мы уже знаем, пережили, видели, — солнца, моря, дождя, травы, снега, музыки, любви... А вовсе не потому не хочется умирать, что осталось, де, много неизведанного. О неизведанных радостях и наслаждениях мы не думаем и не жалеем.

**

Однажды мне звонят по телефону:

— Вы съездили бы в городок З.

— Зачем?

— Там есть литературное объединение. Поэты. Энтузиасты. Талантливейшие люди. Но вот уже тридцать лет они варятся в собственном соку...

Я, разумеется, не поехал, потому что талантливые люди варятся в собственном соку тридцать лет не могут и не будут.

**

Одно время с полной серьезностью обсуждался вопрос о праве писателя на ошибку. Обсуждался он во всех газетах, и было решено так: «Писатель не имеет права ошибаться».

Нелепость этого очевидна. Ошибка (любая) не есть что-либо преднамеренное, но всегда произвольное, неожиданное и, главное — нежелательное для самого ошибающегося. Можно ли запретить людям падать в гололедную спотыкаться о неровности земного шара, проигрывать в шахматы? Ибо проигрыш в шахматы есть не что иное, как целая серия более или менее незамеченных ошибок.

**

Во Вьетнаме я был в гостях у одного художника. Он рассказывал мне о тех-

Вышел тысячный выпуск «Нашей Страны». Совершен тысячный подвиг, так как в наших условиях создание, распространение и инкассирование каждого номера суть подвиг творческого духа, административной энергии и финансового долготерпения.

Слава И. Л. Солоневичу! Слава В. К. Дубровскому! Слава Т. В. Дубровской!

«Русское Слово»

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 45

Печатается без ведома и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

Другое дело — Авиета, Ава, Алла. Авиета — жемчужина русановской семьи. Отец и мать не припоминают, когда она доставляла им огорчения или заботы, кроме школьного озорничанья. Ава — и красавица, и разумница, и энергичная, очень правильно понимает и берет жизнь. Можно не проверять ее, не беспокоиться — она не сделает ошибочного шага ни в малом, ни в большом. Только вот за имя она обижается на родителей, не надо, мол, было фокусничать, называйте теперь просто Аллой. Но в паспорте Авиета Павловна. Да ведь и красиво. Каникулы кончаются, в среду она прилетает из Москвы и примчится в больницу обязательно.

С именами — горе: требования жизни меняются, а имена остаются навсегда. Вот уже и Лаврик обижается на имя. Сейчас-то в школе Лаврик и Лаврик, никто над ним не зубоскалит, но в этом году получать паспорт, и что ж там будет написано? Лаврентий Павлович. Когда-то с умыслом так и рассчитали родители: пусть носит имя министра, неггибаемого сталинского соратника, и во всем ходит на него. Но вот уже второй год, как сказать «Лаврентий Павлович» вслух, пожалуй поостережешься. Одно выручает — что Лаврик рвется в военное училище, а в армии по имени-отчеству звать не будут.

А так, если шепотком спросит: зачем это все делалось? Среди Шендяпинных тоже думают, но чужим не высказывают: даже если предположить, что Берия оказался двурушник, и буржуазный националист, и стремился к власти — ну хорошо, ну судите его, ну расстреляйте закрытым порядком, но зачем же объявлять об этом простому народу? Зачем колебать его веру? Зачем вызывать сомнения В конце концов можно было бы спустить до определенного уровня закрытое письмо, там все объяснить, а по газетам пусть считается, что умер от инфаркта. И похоронить с почетом.

И о Майке, самой младшей, говорили. В этом году полнились все Майкины пятерки, и не только она уже не отличница и с доски почета сняли, но даже и четверок у нее немного. А все из-за перехода в пятый класс. В начальных классах была у нее все время одна учительница, знала ее, и родителей знала — и Майя училась великолепно. А в этом году у нее двадцать учителей-предметников, придет на один урок в неделю, он их и в лицо не знает, жмет свой учебный план, а о том, какая травма наносится ребенку; как калечится его характер — разве об этом он думает? Но Капитолина Матвеевна не пожалеет сил, а через родительский комитет наведет в этой школе порядок. Хотя порядок подрывается еще этой новой реформой — зачем опять смешанное обучение? Зачем же отказываться от старого раздельного? — одного из лучших достижений зрелой советской педагогики.

Так говорили они обо всем — обо всем, не один час, но — вяло шли их языки, и разговоры эти, скрывая от другого, каждый ощущал как не деловое. Все опущено было в Павле Николаевиче внутри, не верилось в реальность людей и событий, которые они обсуждали, и делать ничего не хотелось, и даже лучше всего сейчас было бы лечь, опухоль приложить к подушке и укрыться.

А Капитолина Матвеевна весь разговор вела через силу потому, что ридикюль прожигало ей письмо, полученное сегодня утром из К* от брата Миная. В К* Русановы жили до войны, там прошла их молодость, там они женились, и все дети родились там. Но во время войны они эвакуировались сюда, в К* не вернулись, квартиру же сумели передать брату Капы.

Она понимает, что мужу сейчас ни до каких известий, но и известие-то было такое, что им не поделишься с простой хорошей знакомой. Во всем городе у них не было ни одного человека, кому бы это можно было рассказать с объяснением всего смысла. Наконец, во всем утешая мужа, и сама ж она нуждалась в поддержке! Она не могла жить дома одна с этим неразделенным известием. Из детей только, может быть, Авиете можно было все рассказать и объяснить. Юре — ни за что. Но и для этого надо было посоветоваться с мужем.

А он, чем больше сидел с нею здесь, тем больше томел, и все невозможнее казалось поговорить с ним именно о главном. Подходило.

Подходило время ей так и так ужать, и из хозяйственной сумки она стала вынимать и показывать мужу, что привезла ему кушать. Рукава ее шубы так уширены были манжетами из чернобурки, что едва входили в развязленную пасть сумки.

И тут-то, увидев продукты (которых и в тумбочке у него еще оставалось довольно), Павел Николаевич вспомнил другое, что было ему важнее всякой еды и питья, и с чего сегодня и надо было начинать — вспомнил чагу, березовый гриб! И, оживившись, он стал рассказывать жене об этом чуде, об этом письме, и об этом докторе (может — и шарлатане), и о том, что надо сейчас придумать, кому написать, кто наберет им в России этого гриба.

— Ведь у нас там, вокруг К* — березы сколько угодно. Что же стоит Минаю мне это организовать? Напиши Минаю сейчас же! Да и еще кому-нибудь, есть же старые друзья, пусть позаботятся! Пусть все знают, в каком я положении!

Ну, он сам заговорил о Минае и о К*! И теперь, лишь письма самого не доставая, потому что брат писал в каких-то мрачных выражениях, а только отгибая и отпуская щелкающий клапан-замок ридикюля, Капа сказала:

— Ты знаешь, трезвонить ли о себе в К* — это надо подумать... Минька пишет... Ну, может это еще неправда... Это появился у них в городе... Родичев... И будто бы ре-а-би-ли-тирован... Может это быть, а?

Пока она выговаривала это мерзкое длинное слово «ре-а-би-ли-ти-рован» и смотрела на замок ридикюля, уже склоняясь достать письмо — она пропустила то мгновение, что Паша стал бледней.

— Что ты?? — вскрикнула она, пугаясь больше, чем была напугана этим письмом Капа. — Что ты?!

нике лаковой живописи, в частности о процессе шлифования картин. Сначала картину шлифуют крупной галькой, потом мелким зернистым камнем, потом угольной пылью, потом угольной золой, доходя, наконец, до самого нежного материала — золы соломы.

Очевидно, до "золы соломы" нужно бы доходить и в шлифовании литературных произведений. Однако кто же до этого доходит? Дело чаще всего ограничивается камнями.

Литературный вкус писателя чаще всего превосходит его литературные способности.

Переводы с другого языка неверны в силу точности.

Перевод стихотворения, как бы близок он ни был, отличается от оригинала, как гипсовая маска отличается от живого лица.

Лирический герой — фиговый листок на месте вполне приличном. Он прикрывает автора.

История показывает, что человек, придя к власти, старается отдалить от себя людей, которые помогли ему этой власти добиться. Окружает себя новыми сторонниками. Оно и понятно. Лучше (с его точки зрения) иметь вокруг людей, которые тебе обязаны, нежели людей, которым ты обязан.

Не может быть отрицательной традиции. Понятие "традиция" несет в себе лишь положительную окраску. В течение веков от искусства отшелушивается все мелочное и ложное и вырабатывается традиция, которую нельзя смешивать с влиянием того или иного художника, той или иной школы.

В. СОЛОУХИН

(Продолжение следует)

Редактору газеты "Наша Страна".
Глубокоуважаемая

Татьяна Владимировна!

Союз Императорской Конницы и Конной Артиллерии приветствует Вас и Ваших сотрудников с выходом ТЫСЯЧНОГО номера Вашей газеты. Нам особенно дорог и близок Ваш Монархический орган печати, так как он извещает нас о жизни, распоряжениях и пожеланиях Главы Российского Императорского Дома.

Шлем наилучшие пожелания полнейшего успеха в Вашей работе.

Председатель Союза

Ротмистр Н. Меньшиков

Буэнос Айрес, 23 апреля 1969 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

"Русская Православная Церковь за границей", 1918-1968, т. I, под редакцией г. А. А. Соллогуба, издание Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Сотрудник "Нашей Страны", граф А. А. Соллогуб, подготовивший издание состоящей из двух томов, большой и обильно иллюстрированной книги о Русской Зарубежной Церкви, проделал огромную и кропотливую работу. Свидетельствует об этом вышедший из печати первый том, состоящий из 761-й страницы и свыше 500 фотографий. Напечатан он на отличной меловой бумаге, придающей всему изданию нарядность, а подавляющему большинству иллюстраций — яркую отчетливость.

Первый том содержит: историю Зарубежной Церкви; отдельные главы о Святой Земле и ее русских святых; статьи о покойных митрополитах Антонии и Анастасии и некоторые их послания; описание настояования митрополита Филарета и его послания; подробное описание прославления св. прав. Иоанна Кронштадтского; сведения о четырех русских епархиях в Соединенных Штатах и некоторых обителях; исторические сведения о русской церковной жизни в Харбине и о русских эмигрантских храмах в Европе и в Азии после Второй Мировой войны.

Во второй том, как видно из приложения к первому сообщению начальника русской духовной миссии в Иерусалиме, архимандрита Антония, будут включены подробные сведения о Св. Троицком монастыре в Джорданвилле, о Южно-Калифорнийской и Канадской епархиях и о русской зарубежной церковной жизни в Европе, Южной Америке, Африке, Австралии и Азии.

Работа над этими двумя томами потребовала, очевидно, значительного времени и это в нескольких случаях отразилось на содержании. Так, например, подробно описанная восточно-американская епархия ныне разделена на три самостоятельных епархий. Изменился внешний и внутренний вид некоторых изображенных в первом томе храмов. Это, однако, не меняет данной им очень полной картины церковного зарубежья.

Некоторые документы, включенные в книгу А. А. Соллогубом, содержат сведения, большинству русских читателей до сих пор, вероятно, мало известные. Так, например, только немногим известен текст обращения архиепископа Виталия, Б. В. Сергиевского и Б. Л. Бразоля к президенту Рузвельту, которым они в 1941 году продостерегли его от

оказания помощи Сталину и Советскому Союзу. Так, ново и интересно все то, что составитель книги рассказал об обстоятельствах, предшествовавших прославлению св. прав. Иоанна Кронштадтского, и о своем участии в обращенных к иерархии неоднократных ходатайствах об этом прославлении.

Включенное в книгу завещание покойного митрополита Анастасия еще раз освещает его высокий духовный облик. Читатели не бывшие свидетелями событий, вызвавших разрыв американской митрополии с Зарубежной Церковью, найдут в книге подробную и документированную историю этого разрыва, толкнувшего митрополию сначала на подчинение московской патриархии, а позже на избранный ею путь участия в экуменическом движении.

Первый том отражает, с одной стороны, наличие русского православного храмостроительства в Соединенных Штатах, а с другой, неодинаковый уровень благосостояния приходов. Наряду с пышным новым Св. Скорбященским собором в Сан Франциско или возвышающимся над долиной Гудзона нарядным храмом в Найке, в окрестностях Нью-Йорка, многие русские зарубежные приходы довольствуются скромными, небольшими церквями, сохраняющими отпечаток эмигрантского "беженства".

В книге нет статистических сведений о количестве приходов и числе их прихожан. Нет и адресов настоятелей и храмов. Это лишает ее необходимых признаков справочника, в котором несомненно ощущается потребность, но

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

В. ЛЕЖНЕВ

Нам пишут из Нью Йорка:

Бывший виолончелист Московского государственного симфонического оркестра, 37-летний Всеволод Лежнев, отказавшийся вернуться в СССР после гастролей названного оркестра в Нью Йорке и обратившийся к американским властям с просьбой о предоставлении ему политического убежища в Соединенных Штатах, признан политическим эмигрантом, получив право пребывания в Соед. Штатах и принят в состав симфонического оркестра в Ст. Луис.

ТИРАЖ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДОЛЖЕН НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

который — по понятным причинам — не может быть большим, иллюстрированным томом.

То, что создано А. А. Соллогубом, при содействии русской духовной миссии — не справочник, а памятник 50-летию русской церковной жизни за рубежом, ее первоначальным, иерархам, клиру и верующим мирянам, всей Русской Зарубежной Церкви.

С. Л. В.

• ИВАН ЯХИМОВИЧ

Как сообщают из Москвы иностранные корреспонденты, 25-го марта у себя на квартире в городе Юмала был арестован Иван Яхимович, бывший председатель колхоза "Яуна гварде" Краславского района Латвийской ССР. Яхимович был снят с поста председателя колхоза в 1968 году, вскоре после того, как он выступил с протестом против происшедшего в Москве судебного процесса над молодыми литераторами Галансковым, Гинзбургом, Добровольским и Лашковой. Одновременно, в нарушение устава КПСС Яхимовича без согласия первичной организации исключили из партии. После вторжения советских войск в Чехословакию Яхимович направился в посольство Чехословакии в Москве, чтобы заверить представителей Чехословакии в том, что русский народ на стороне чехов и словаков. В иностранной печати в те дни было опубликовано его открытое письмо, которое заканчивалось призывом: "Руки прочь от Чехословакии! Свободу политзаключенным!" Вскоре после этого на квартире Яхимовича был произведен обыск, сотрудники КГБ, пользуясь нелепым обвинением будто бы Яхимович ограбил банк, изъяли у него записки, имеющие отношение к событиям в Чехословакии. Когда стало известно о самосожжении в Праге, Яхимович обратился к гражданам Советского Союза с призывом "всеми законными средствами добиваться вывода советских войск из Чехословакии и отказа от вмешательства в ее внутренние дела". Дело Яхимовича ведет следователь прокуратуры Ленинского района города Риги Какитис. В Советском Союзе готовится очередной политический судебный процесс.

Он был откинут к спинке и женским движением стягивал на себе ее шаль.

— Да еще может нет! — она подхватила сильными руками взять его за плечи, в одной руке так и держа ридикюль, будто стараясь навесить ему на плечо. — Еще может нет! Минька сам его не видел. Но люди — говорят...

Бледность Павла Николаевича постепенно сходилла, но он весь ослабел — в поясе в плечах, и ослабели его руки, а голову так и выворачивала на бок опухоль.

— Зачем ты мне сказала? — несчастным, очень слабым голосом произнес он. — Неужели у меня мало горя? Неужели у меня мало горя? — И он дважды произвел без слез плачущее вздрагивание грудью и головой.

— Ну, прости меня, Пашенька! Ну, прости меня, Пасик! — она держала его за плечи, а сама тоже трясла и трясла своей завитой львиной причешкой медного цвета. — Но ведь и я теряю голову! И неужели он теперь может отнять у Миня комнату? Нет, вообще, к чему это идет? Ты помнишь, мы уже слышали два таких случая?

— Да причем тут комната, будь она проклята, пусть забирает, — плачущим шепотом ответил он ей.

— Ну, как проклята? А каково сейчас Миня стесниться?

— Да ты о муже думай! Ты думай — я как? А про Гузуна он не пишет?

— Про Гузуна нет... А если они все теперь начнут возвращаться — что же это будет?

— Откуда я знаю! — придушенным голосом отвечал муж. — Какое ж они право имеют теперь их выпускать?.. Как же можно так безжалостно травмировать людей?..

14

Так ждал Русанов хоть на этом свидании приободриться, а получилось во много тошней, лучше б Капа совсем не приезжала. Он поднимался по лестнице, шатаясь, вцепясь в перила, чувствуя, как все больше его разбирает озноб. Капа не могла провонять его наверх одетая — бездельница-санитарка специально стояла и не пускала, так ее Капа и погнала проводить Павла Николаевича до палаты и отнести сумку с продуктами. За дежурным столиком лупоглазая эта сестра Зоя, которая почему-то понравилась Русанову в первый вечер, теперь, загораясь ведомостями, сидела и кокетничала с неотесанным Оглоедем, мало думая о больных. Русанов попросил у нее аспирин, она тут же заученно-бойко ответила, что аспирин только вечером. Но все ж дала померить температуру. И потом что-то ему принесла.

Павел Николаевич лег, как мечтал: опухоль — в подушку (еще удивительно, что здесь были мягкие подушки, не пришлось взять из дому свою), и накрылся с головой.

В нем так заметались, заколотились, огнем налились мысли, что все остальное тело его стало бесчувственным, как от наркоза, и он уже не слышал глупых комнатных разговоров, и потрясываясь вместе с половицами от ходьбы Ефрема,

не чувствовал этой ходьбы. И не видел он, что день разгулялся, перед заходом где-то проглянуло солнце, только не с их стороны здания. И полета часов он не замечал. Он засыпал, может быть от лекарства, и просыпался. Как-то проснулся уже при электрическом свете, и опять заснул. И опять проснулся среди ночи, в темноте и тишине.

И почувствовал, что сна больше нет, отпала благодетельная пелена. И страх — весь тут и вцепился в нижнюю середину груди и тут сжимал.

И разные-разные, разные мысли стали напирать и раскручиваться в голове Русанова, в комнате и дальше, во всей просторной темноте.

Даже не какие не мысли, а просто — он боялся. Просто боялся. Боялся, что Родичев вдруг вот завтра утром прорвется через сестер, через санитарок, бросится сюда и начнет его бить. Не правосудия, не суда общественности, не позора боялся Русанов, а просто, что его будут бить. Его били всего один раз в жизни — в школе, в его последнем шестом классе: поджидали вечером у выхода, пришли "получать", и ножей ни у кого не было, но на всю жизнь осталось это ужасное ощущение — со всех сторон тебя встречающих костистых жестоких кулаков.

Как покойник представляет нам потом долгие годы таким, каким мы последний раз видели его юношей, если даже за это время он должен был стать стариком, так и Родичев, который через восемнадцать лет должен был вернуться инвалидом, может быть глухим, может быть окропленным, — виделся сейчас Русанову тем прежним загорелым здоровяком, с гантелями и гирей, на их общем длинном балконе в его последнее перед арестом воскресенье. Уже был написан Русановым вместе с Капой материал на него, и отнесен, и подан, а Родичев, голый до пояса, подозвал его.

— Пашка! Иди сюда! Ну-ка пощупай бицепсы. Да не брезгуй, жми! Понял теперь, что значит инженер новой формации? Мы не рахитики, какие-нибудь там Эдуарды Христофоровичи, мы — люди гармонические. А ты вот хиловатый стал, засыхаешь* за кожаной дверью. Иди к нам на завод, в цех устрою, а? Не хочешь?.. Ха-га!

Захохотал и пошел мыться, напевая:

"Мы — кузнецы, и дух наш молод".

Вот этого-то здоровяка Русанов и представлял сейчас врывающимся сюда в палату, с кулаками. И не мог стряхнуть с себя ложный образ.

С Родичевым они были когда-то друзья, в одной комсомольской ячейке, эту квартиру получали вместе от фабрики. Потом Родичев пошел по линии рабфака института, а Русанов по линии профсоюза и по анкетному хозяйству. Сперва начали неладить жены, потом и сами они. Родичев часто разговаривал с Русановым в оскорбительном тоне. А тут еще Русановым стало и тесно жить — двое детей, одна комната. Ну, да все сошло, и погорячились, конечно, и дал на него Павел Николаевич такой материал: что в частном разговоре с ним Родичев одобрительно высказывался о деятельности разгромленной Промпартии и предполагал у себя на заводе сколотить группу вредителей.

Атака на Аркадия Белинкова

(КРС) В 33-ем номере "Литературной газеты" напечатан фельетон Жукова под заголовком "Васисуалий Белинков избирает "Воронью Свободку". Фельетонист рассуждает об открытом письме советского литературного критика Аркадия Белинкова, недавно попросившего политического убежища на Западе.

Фельетон, как уже сказано, написан по поводу открытого письма литературного критика Аркадия Белинкова. Однако напрасно было бы ожидать, что Жуков станет разбирать содержание открытого письма, — пусть даже в юмористических тонах. Об открытом письме фельетонист пишет меньше всего, а тех фраз, которые он выдает за цитаты — в открытом письме Белинкова мы не нашли. Там нет фразы о том, что Белинков намеревается поселиться в США. В открытом письме нет и цитируемой Жуковым фразы об отсутствии в СССР интеллектуальной свободы. Там есть другие фразы об отсутствии свободы, гораздо более резкие и можно предположить, что Жуков их просто не решился цитировать. Вероятно Жуков, и те, кто вместе с ним обсуждали это дело, решили, что содержание открытого письма следует обойти молчанием. Жуков прибег вместо этого к пропагандному приему, настолько распространенному, что он вошел в пословицу. Жуков, как говорят в Советском Союзе, постарался "пришить моральный облик". Он из всех сил старается внушить читателю, какой плохой, испорченный человек этот Аркадий Белинков. Он говорит о Белинкове, как о герое Ильфа и Петрова Лоханкине. Уверяет, что Белинкову всегда был близок образ злобствующего мещанина. Утверждает, что в годы фашистского нашествия Белинков "не захотел поставить свое перо на службу родине". Фразы, сказанные героем романа Лоханкиным—Жуков приписывает автору, недалеко уйдя здесь от судей Снявского и Даниэля.

Все это звучит не как фельетон, а скорее напоминает выступления недоброй памяти государственного прокурора Вышинского.

Плохим фельетоном звучит фраза Жукова о том, как "Белинков, воспользовавшись заграничной поездкой бежал в широко раскрытые объятия "свободного мира". Почему — "воспользовавшись"? Почему — "бежал"? Бегут, как мы понимаем, из плохих мест, которые человек хочет, но не может свободно покинуть. Из тюрем, из ссылок, из лагерей, из стран с полицейским режимом. Мы уверены, что Жуков ничего такого сказать не предполагал. Но кое-чего он все-таки не додумал. Ведь если западному писателю вздумается переехать на жительство в Советский Союз, — ему не нужно ничем "пользоваться", не нужно никуда "бежать". Он может просто и свободно ехать. Если захочет — первым классом.

† Союз Императорской Конницы и Конной Артиллерии в Аргентине с пригорбием извещает, что 13 апреля с. г. скончался многолетний член Союза
РОТМИСТР КРЫМСКОГО КОННОГО ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО
ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА
СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СИМЧЕНКО.
Правление Союза выражает свое глубокое соболезнование семье покойного.

Однако, вернемся к главному — к открытому письму Аркадия Белинкова. Фельетон Жукова, хотя и посвящен этому письму, — уводит от него в сторону. Письмо это — случай, достойный пристального внимания, и реакция "Литературной газеты" убеждает в том, что это именно так. С открытым письмом Белинкова одни могут не согласиться. Другим оно чрезвычайно нравится. Тут все дело во вкусе и в политических взглядах того, кто это письмо будет читать. А мы считаем, что каждый человек имеет право на собственное мнение. Но создавать собственное мнение человек должен внимательно выслушав обе стороны. Мнение о письме Белинкова следует создавать по письму Белинкова, а не по фельетону Жукова.

Поскольку "Литературная газета" содержание открытого письма литературного критика Аркадия Белинкова обошла фактически молчанием, мы постараемся несколько восполнить этот пробел. . . Итак, приводим выдержки из письма Белинкова в Союз советских писателей. Белинков писал:

"Уничтожению великой русской литературы способствовало много обстоятельств, исторических катаклизмов — уродливых и лиц, и в их списке вместе с Центральным Комитетом коммунистической партии Советского Союза и Комитетом государственной безопасности Союза министров СССР ответственная роль принадлежит Союзу советских писателей".

Затем, переходя к событиям советской современности, Белинков пишет:

"Началась уже неостановимая война свободной интеллигенции с жестоким, не выбирающим средств государством, и государство, тяжело раненное разблачениями 56-го, 62-го годов, поняло, что если оно не выиграет эту битву сразу, то потом оно может проиграть ее навсегда. И оно стало эту битву выигрывать. Способы были старые, испытанные, проверенные на Шалапине и Гумилеве, Булгакове и Платонове, Мейерхольде и Фальке, Бабеле, Мандельштаме, Заболотском, Пастернаке, Зощенко и Ахматовой. Зная былую безобщность способа, государство поса-

дило в тюрьму профессиональных писателей и только что начавших работать молодых литераторов: Бродского, Снявского и Даниэля, Хаустова, Буковского, Гинсбурга, Галанскова и многих других. Засаживало в сумасшедший дом поэту Инну Лиснянскую, математика Есенина-Вольпина, генерала Григоренко и многих, многих других. Запретило исполнять свои произведения композитору Андрею Волконскому, выгнало с работы Павла Литвинова, исключило из партии и выгнало с работы кинокритика Зоркую, Корякина, Пожитнова, Шрагина, Золотухина и многих, многих других. Разослало по издательствам и редакциям черный список авторов, которым запрещено печататься. Исключило из Союза художников Бориса Биргера, из Союза писателей — Алексея Костарина, Григория Свицкого".

Имея в виду руководителей партии и правительства, Белинков пишет далее:

"Они боятся умного юноши Хаустова, решившегося сказать драконообразным и дикообразным советским судьям, что он отвергает советскую веру в марксизм-ленинизм. Боятся замечательного художника России Александра Солженицына; боятся Америки, боятся Китая, боятся польских студентов и чехословацких неслухов. Боятся югославских ревизионистов, албанских догматиков, румынских националистов, кубинских экстремистов, северокорейских "хитрецов", восставших и расстрелянных рабочих Новочеркаска, восставших и расстрелянных с самолетов Воркутинских заключенных и раздавленных танками заключенных Экабастуза, крымских татар, согнанных со своих земель, и еврейских физиков, выгнанных из своих лабораторий. Боятся голодных колхозников и раздутых рабочих. Боятся друг друга, самих себя, всех вместе, каждого в отдельности".

В заключение еще одна выдержка из открытого письма Аркадия Белинкова, адресованного Союзу советских писателей:

"Я пишу это письмо в доказательство того, что интеллигенция России жива, борется, не продается, не сдается, что у нее есть силы" ●

4-го мая 1969 года в прицерковном зале (Brasil 315) состоится, посвященный великим русским композиторам П. Чайковскому и С. Рахманинову,

КОНЦЕРТ

оперной певицы ЛИДИИ КАЗАМАРОВОЙ

при благосклонном участии артистов-певцов Н. Калиняк, Е. Самсоновой, А. Мокиенко, В. Трофимова и Ю. Филичева.

Начало в 16.30 час. . . Билеты при входе. Цена: 200 и 300 песо.

Чистый приход поступит Св. Сергиевской Церковно-Приходской Школе.

В СУББОТУ 7-го ИЮНЯ 1969 г. В 21 ЧАС

YACHT CLUB OLIVOS, Alberdi 415, Olivos

ЮБИЛЕЙНЫЙ БАЛ О.Р.Ю.Р.

• 2 ОРКЕСТРА

• ОБИЛЬНЫЙ БУФЕТ

• ЛОТЕРЕЯ

• НЕОЖИДАННОСТИ

Бальные или вечерние туалеты, обязательны!

ВХОД - 500 песо. Лучшие столики на 8-10 человек — 2000 песо, на 4-6 человек — 1000 песо.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРОДАЖА БИЛЕТОВ И ЗАКАЗЫ НА СТОЛИКИ ПО ТЕЛЕФОНАМ: 44-2061 — А. В. Баумгартен

44-6353 — И. Н. Шмитов

32-0473 — А. В. Баумгартен

По субботам от 9 до 20 часов в помещении О.Р.Ю.Р.:

CALLE BUENOS AIRES 2655, OLIVOS

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
MONROE 4219, Dep. 10
BUENOS AIRES (30)
T. E. 52-7426

NICOLAS FEWR

EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

La ausencia de emigrados rusos en el territorio ocupado por los alemanes, contribuyó a que el entusiasmo primitivo de la población rusa cambiara por una actitud recelosa. La propaganda soviética no dejó de aprovechar esta circunstancia y declaraba a gritos: "Los alemanes vienen para exterminar al pueblo ruso y la mejor prueba de ello es que ni siquiera los enemigos jurados del poder soviético, como lo son los emigrados blancos, quisieron unirse a ellos".

Todo esto evidenciaba que el Gobierno alemán no tenía un plan determinado respecto al problema ruso, o bien, que estaba ocultando sus propósitos y esto, entonces, no tenía nada de común con las esperanzas que abrigaban tanto los emigrados rusos como la población de las zonas ocupadas.

(Continuará)

Желающих купить или заказать уругвайские грибы (маринованные по цене 700 арг. песо за кило и сушеные по цене 200 арг. песо за 100 грамм) просят до 20 мая звонить по телефону 51-7405, Буэнос Айрес.

ВИКТОР ЯНИШЕВСКИЙ
Abogado y Ex-Juez de Tribunal
de Yugoestavia
TRADUCTOR PUBLICO
Б Ю Р О

Присяжных Переводчиков
М. Д. ГОЧЕВАР и ЭДИТ ГИРШ
Переводы на русский и все остальные языки. Документы из Советского Союза и остальных стран Света, для получения гражданства, пенсии, паспортов, Cedula de Identidad, исправление имен и пр. Вызов родственников из Советского Союза и поездки в Советский Союз.
LAVALLE 1570, p. 4
T. E. 46-5238 y 5529 - Buenos Aires

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

А. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ

Endodoncia — лечение корней зубов, технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonico.

Прием по предварительной записи. Понед., вторник, четверг и пятница от 15 до 20 час.

T. E. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A
Один квартал от подземной жел. дор.
Río de Janeiro по улице Corrientes.

Супружество (пожилые) ищет снять небольшую квартиру или небольшой дом или хорошую комнату с отдельной уборной и пользованием кухни. Желательно вне города. Тел. 23-4172.

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasónico.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.

Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
T. E. 88 - 3605

(Один квартал от станции подземки Pueyrredón по линии Federico Lazcraze).